

К. Бакиев: «Чтобы поднять экономику, нужна железная дисциплина».

Накануне Президент КР К. Бакиев встретился с корреспондентом издания «Коммерсантъ» Наргиз Асадовой и рассказал ей о причинах и сущности политического кризиса, который обострился в республике в начале текущего года (текст интервью не редактировался и приведен в первоначальном виде).

– Сейчас все говорят об ожесточенном противостоянии между вами и премьером Феликсом Куловым. Оно существует в действительности?

– Я бы не назвал это противостоянием. Надо учитывать, что он пять лет был в заключении (Феликс Кулов был освобожден в ходе «революции тюльпанов» 24 марта прошлого года.–б). Я считаю, что эта изоляция повлияла на него. Хотя он всегда был активным, даже находясь в тюрьме, больше меня выступал в газетах, по телевидению. Я всегда поражался этому. Но тем не менее за пять лет его изоляции ситуация в стране изменилась. Одно дело, когда ты ситуацию понимаешь через кого-то, а другое дело – когда ее сам видишь. Поэтому у него бывают другие взгляды по некоторым вопросам. Но он знает мою позицию. И когда он ко мне приходит, я ему объясняю, что он не прав. Как правило, у нас по большинству вопросов нет разногласий, мы приходим к общему мнению. Все эти разговоры про наши разногласия ведут люди, которые хотят расшатать ситуацию в стране.

– А как же быть с извечной борьбой между севером и югом в Киргизии? Вы южанин, а Кулов, как и экс-президент Аскар Акаев, северянин. Ваши противоречия нельзя объяснить столкновением интересов элит?

– К сожалению, проблема в отношениях севера и юга есть. Но я

сам человек, который долгое время жил в России и воспитание получил другое, к тому же у меня жена русская. Я всю жизнь работал на заводах, где не интересуется, кто ты – русский, киргиз или татарин – там план нужно давать. В моей среде этот вопрос никогда не ставился. Зато он возник в парламенте. Там действительно есть такая проблема.

Надо сказать, что сегодня люди, живущие на юге, имеют жизненный уровень ниже, чем на севере. Там густонаселенные районы, меньше земли, высокий уровень безработицы – в Баткенской, Ошской, Джалал-Абадской областях. Северные регионы больше развиты – Бишкек, Чуйская область. Тут и промышленность, и переработка больше развиты. Поэтому различие есть. Но среди простых людей этот вопрос не стоит. Северянин отдает дочку за южанина, южанин женится на северянке. Сплошь и рядом.

– Какие цели вы преследовали, когда создавали тандем с Куловым?

– В то время ситуация была очень напряженная. Мои сторонники говорили мне, что не надо идти ни на какой тандем: «Иди один! У нас мощная, сильная команда». В нашем Народном движении Кыргызстана было девять партий и другие движения. Перевес был на нашей стороне. Но я хотел, чтобы народ не муссировал вопрос «север-юг». Чтобы сгладить эту проблему, я подумал, что было бы неплохо, если бы мы вместе пошли на выборы. Это была его идея. Он предложил, чтобы в случае победы я был президентом, а он – премьером. Я согласился. Я его всегда брал с собой на встречи с избирателями – и на юг, и на север. И люди видели, что он сидит со мной рядом – это всех радовало, во всех вселяло уверенность.

– Когда вы с Куловым создали тандем, сферы ответственности между вами распределились довольно странно. Вы, крепкий хозяйственник, отвечаете за силовые структуры, а силовик Кулов – за экономику. Почему так?

– В тот момент не пойти на это было бы неправильно. То есть сидеть торговаться, обострять ситуацию. Хотя для меня большее удовольствие доставляет решение экономических вопросов. Я всю жизнь строил, запускал новые производства. Но президент по конституции является верховным главнокомандующим, значит, я обязан заниматься вооруженными силами, министерством обороны, службой национальной безопасности. Внешняя политика тоже прерогатива президента. Это не означает, что премьеру эти службы не подчиняются. Он в любой момент может вызвать председателя СНБ, генпрокурора, главу МВД, министра обороны и поставить ему какую-то задачу. И они должны выполнять ее, если, конечно, премьер действует в пределах своих полномочий. Другое дело, он не может снять их с должности.

– Но премьер сейчас активно критикует именно силовые структуры. Он даже ездил с оперативниками для задержания каких-то преступников. Получается, он вмешивается в деятельность силовых структур?

– Да, по конституции премьер занимается прежде всего реализацией экономических программ. Но в силу того, что он профессиональный милиционер, это, видимо, в нем сидит. Я сегодня президент, но во мне сидит производственник. И он будет сидеть во мне всегда. Если я захожу на завод, я сразу вижу, где порядок, где бардак. А Кулов – профессиональный милиционер, поэтому ему хотелось бы заниматься силовыми структурами. Но надо заниматься тем, чем тебе сегодня положено. Ты премьер-министр, ты глава исполнительной власти, значит, надо выполнять законы, поднимать экономику, создавать новые рабочие места. Вот это главная задача премьера.

– Сейчас очень многие в Киргизии говорят о сращивании криминала с властью. За последний год были убиты три депутата парламента. Как вы прокомментируете эту ситуацию?

– Эркинбаев, Акматбаев – все они были ребята непростые. У всех был очень хороший бизнес, серьезный по нашим масштабам. Когда убили одного депутата, тут же попытались этому событию придать

политическую окраску. Второго – там уже вообще с пеной у рта кричали. А потом, когда все выяснилось, когда назвали заказчиков и исполнителей, все поняли, что это самый элементарный передел собственности, захват – было твое, а теперь будет мое.

– Но эти «авторитеты» как раз те люди, которые спонсировали революцию, поэтому и подозревают, что они были связаны с нынешней властью. И тут начинается их отстрел.

– Ничего подобного. Если бы революцию финансировали так, как это делали на Украине или в Грузии, у нас было бы все по-другому. Видели бы вы, как на митингах в Джалал-Абаде люди считали лепешки. В Грузии и на Украине все было культурно: организовали им палатки, горячее питание, все условия. У нас было не так. Нам старики приносили свои пенсии – 50-100 сомов. Вот вам, ребята, за то, что вы тут стоите. Какой там криминал помогал? Даже разговоров таких не может быть. Криминал как был, так и останется криминалом. Он живет по своим законам. Может быть, были там эпизодические случаи, когда, например, родственникам помогали.

– Складывается впечатление, что лидеры «цветных революций» не могут уживаться более года. Это было и на Украине, где Юлия Тимошенко рассорилась с Виктором Ющенко. Это было и в Грузии, где между Михаилом Саакашвили и Зурабом Жванией были определенные трения. Премьеры часто хотят иметь всю полноту власти, уменьшив влияние президента. Между вами и Куловым тоже существует такая проблема?

– У нас такого нету. Я чувствую, что в окружении премьера есть такие люди, которые хотели бы ввести парламентскую форму правления. Я сказал, что я этого не приемлю. Не только я, но большинство в Кыргызстане. Тем более после того как все увидели, как парламент работает, какие представления они там устраивают. Это цирк какой-то. Люди убедились, что если, не дай бог, такая форма правления будет, в ближайшие годы ожидать подъема нельзя. Чтобы поднять экономику, нужна железная

дисциплина в исполнительной власти. Иначе не будет порядка.

Этот парламент срочно созвал конституционное совещание сразу после революции, не посоветовавшись с президентом. Для чего? Они еще в то время думали внести изменение в конституцию, изменить форму правления и скинуть Бакиева. Избрать нового президента. Но это была идея не всех членов парламента, а трех-четырех депутатов. Они, как опытные политики, сумели притянуть остальных. А большинство в парламенте – это неопытные политики.

– Я так понимаю, что один из этих «трех-четырех депутатов» – это спикер парламента Омурбек Текебаев, который во всеуслышание предложил вам повеситься. Он, кстати, обвиняет вас в развязывании антипарламентской кампании.

– Как я мог давить на парламента? Они там говорили, что хотели. По конституции они имеют право принимать законы и давать согласие на назначение членов правительства. Вот они три мои кандидатуры и завалили – Отунбаеву, Проненко, Кадырбекова! Толковых, демократичных, перспективных руководителей завалили! Только потому, что те требовали роспуска парламента. Но это еще ладно. Сейчас же парламента превращается в хорошо подготовленное шоу. Почему они рассматривают уголовные дела, по которым еще идет следствие? Еще до суда не дошло, а они говорят: «Этот виноват, а этот не виноват». Кто давал им такие полномочия? До суда разве можно обвинять кого-нибудь? Они взяли на себя все. Поэтому я пришел к ним и сказал все, что о них думаю: и что они работают без кворума, и что за закрытыми дверями себе увеличили бюджет на 300 млн сомов, приняли для себя льготы по квартирам и служебным машинам. Я открыл глаза людям, чтобы они видели, какой у нас парламента.

– Почему же вы его не распустите?

– Можно было распустить. Это можно сделать и сейчас. Но я твердо убежден, что я не должен этого делать. Да, мне с ними трудно. Но я считаю, что определенный перелом уже произошел. И

это должны показать выборы нового спикера.

– Отставка Омурбека Текебаева еще не принята парламентом. Может, парламент еще не утвердит его отставку?

– Утвердит. Я говорил недавно с Текебаевым в присутствии Кулова. И я сказал ему все, что я думаю о его заявлении и что ему теперь надо делать.

– Что? Самому повеситься?

– (Смеется.) Мы разговаривали менее трех минут. Вернее, я говорил. После этого он встал с места и сказал: «Все, я ухожу». Я говорю: «Давай». Так что, думаю, с парламентом можно будет работать. Большинство из них – предприниматели, малый, средний и более или менее крупный бизнес. У них нет опыта политической работы. Им надо немного времени, чтоб они вошли в русло, научились работать. Пройдет год, и они будут работать лучше. Но если они не встанут на путь созидания, совместной работы с исполнительной властью, а выберут путь конфронтации, тогда я воспользуюсь своим конституционным правом распустить их. Но думаю, что до этого не дойдет.

– Киргизия собирается повысить плату за дислокацию американской военной базы в аэропорту Манас. Сколько вам платят США за базу сейчас и сколько будут платить после повышения?

– До сегодняшнего дня плата за аренду составляла где-то два с небольшим миллиона долларов. По нашим новым расчетам, они будут платить \$207 млн.

– Почему вы решили повысить плату в 100 раз?

– Мы брали эти цифры не с потолка. Существуют международные нормы – сколько стоит один гектар земли, сколько стоит квадратный метр на территории международного аэропорта такого уровня. Эти расценки соответствуют международным стандартам. Кроме того, экономическое положение Кыргызстана оставляет

желать лучшего. Все, кто здесь занимается какой-то деятельностью, должны платить. Мы не такая богатая страна, чтобы бесплатно предоставлять эти объекты и сооружения. Американская сторона отнеслась к этому с пониманием. Правда, не знаю, каков будет ответ.

– Вы говорили, что американская база в Манасе – это явление временное. Как только уляжется ситуация в Афганистане, американцы уйдут из Киргизии. Но там уже прошли и президентские, и парламентские выборы. И американцы постепенно выводят свои войска оттуда. Когда же США выведет базу из Манаса?

– Мы ждем окончательной стабилизации ситуации в Афганистане. Чтобы там не было очагов дестабилизации. Это же наш сосед. Весь наркотрафик идет через нас, через Таджикистан. А терроризм и экстремизм финансируются на деньги, полученные от наркотиков и торговли оружием. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы все эти очаги были там погашены. Речь не идет о том, чтобы эта база здесь находилась беспричинно долго. Тем более у нас есть обязательства в многостороннем формате – ШОС, ОДКБ.

– Сейчас США вовсю готовятся к войне в Иране. Если им для этого понадобится база в «Манасе», вы продлите договор с ними?

– Я думаю, что здесь будут другие подходы и решения. У нас есть договоренность только насчет кампании в Афганистане.

– Киргизия – единственная страна в мире, где расположены одновременно американская и российская военные базы. Кстати, сколько вам платят россияне за базу в Канте?

– База в Канте существует в рамках договора ОДКБ. Поэтому речь не может идти об оплате. Россияне вкладывают деньги в развитие аэропорта Кант, развивают инфраструктуру, создают рабочие места. Я считаю, что это тоже инвестиции.

«Коммерсантъ»